

М. А. Наумова

Живое Предание Церкви в богословском наследии Н. П. Аксакова

Данная статья представляет собою попытку систематизации воззрений выдающегося русского экклесиолога и канониста Н. П. Аксакова на Предание Церкви. Аксаков говорит о нем как о живом, непрерывном, едином и целостном, тождественном в веках самосознании Церкви. Задачей богословской науки ученый считал выявление апостольского предания Церкви среди многочисленных церковных традиций. Осуществляемый им научный труд имел практическую задачу: добиться признания необходимости восстановления строя жизни Церкви на вечно живых и неизменных канонических началах, проистекающих из апостольского предания и свидетельствующих о соборном устройении Церкви. Указанное восстановление, по убеждению Аксакова, могло произойти только путем созыва Поместного собора, на котором через разработанную систему церковного представительства, будет представлена вся полнота Православной российской церкви.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Предание Церкви, каноническое право, экклесиология, Н. П. Аксаков.

Развитие религиозно-философской мысли в России в первой половине XIX в. привело к появлению целой плеяды светских богословов, не принадлежавших по своему образованию и общественному положению к кругу школьного академического богословия. А. В. Карташев отмечал уникальность этого явления в истории Русской церкви:

Ни в одной из православных церквей нет такого количества и высокого качества светских богословов, как в России. Речь идет не о профессионалах — профессорах духовных академий, а о представителях светской культуры, ставших творцами в области православного богословия и религиозной философии [Карташев, 319].

Одним из таких светских богословов был Николай Петрович Аксаков (1848–1909) — доктор философии, историк, канонист, оставивший значительное богословское наследие, до сих пор практически неисследованное. По своим религиозно-обществен-

ным убеждениям Аксаков был славянофилом, выражавшим свои идеи как в богословских сочинениях, так и в художественных произведениях.

В 1903–1906 гг. Аксаков принимал участие в деятельности группы «32-х» петербургских священников (впоследствии Союза церковного обновления и Братства ревнителей церковного обновления), помогая молодым священникам обосновывать необходимость перемен в Русской церкви ссылаясь на церковные каноны. В канонах ученый видел нормы церковного самоуправления, утвержденные авторитетом апостольского предания¹. В 1906 г. Аксаков, будучи уже известным церковным ученым, был приглашен принять участие в работе I отдела Предсоборного присутствия. Работа Н. П. Аксакова в Предсоборном присутствии имела во многом практическое значение: он стремился обосновать право церковного народа на участие в предстоящем соборе как соответствующее канонической традиции церкви. И хотя он не дожился до Поместного собора 1917–1918 гг., его по праву можно назвать одним из «отцов» собора, подготовившим его созыв в максимально возможной полноте участия всей церкви: епископов, клириков и мирян.

Библиография исследований об одном из крупнейших русских канонистов и его письменном наследии в настоящий момент сводится к немногим публикациям. Самой крупной из дореволюционных работ является монография свящ. Николая Антонова [Антонов], посвященная личности и богословским трудам Аксакова. Безусловный интерес представляет биографический очерк В. А. Скрипицына [Скрипицын] и некролог, подписанный инициалами В. К. (возможно, прот. Владимир Колачев) [В. К.]. Среди современных исследований удалось найти небольшой биографический очерк в книге Ю. В. Балакшиной, посвященной Братству ревнителей церковного обновления в Санкт-Петербурге [Балакшина, 167–178]. Отдельные упоминания об Аксакове и его славянофильских взглядах содержатся в монографии Н. И. Цимбаева «Славянофильство» [Цимбаев]. Е. В. Белякова в книге «Церковный суд и проблемы церковной жизни» уделяет внимание каноническим воззрениям Н. П. Аксакова [Белякова].

Одной из основных тем исследований Аксакова стало Предание Церкви, его содержание и способы верификации. Неслучайно

1. См.: [Аксаков 1905; Аксаков 1906а; Аксаков 1906б; Аксаков 1906г].

завершающим жизненным трудом ученого стала книга «Предание Церкви и предание школы» [Аксаков 2000б]. В ней содержится научно-богословская критика взглядов некоторых членов Предсоборного присутствия, которые в своих суждениях вынесли за скобки апостольское предание, созидавая, таким образом, иную «церковь»:

Стоит только внимательно перечесть многочисленные журналы Присутствия, чтобы убедиться в том, что не одну и ту же по очертаниям и задачам церковь стремятся воссоздать, поддержать и восстановить зиждущие, ссылаясь на руководящие их предание, каноны и патерики [Аксаков 2000б, 3].

Задачу выявления исконного предания Церкви Аксаков считал основной для богословской науки и важнейшей для понимания путей восстановления и развития церковной жизни. Оригинальность богословских взглядов Аксакова, по мнению Е. В. Беляковой, заключается в том, что «он разрабатывал тему церковного Предания как живого наследия» Церкви [Белякова, 49].

Богословские взгляды ученого не сложились в стройную систему, не нашли воплощения в монографическом исследовании. Однако нам представляется не бесполезной научная реконструкция системы представлений о церковном Предании, возникшей на рубеже XIX–XX вв. На наш взгляд, она не потеряла своей актуальности для современной церковно-исторической науки.

Впервые вопрос о богословской категории «Предание Церкви» был поставлен ученым в работе «Духа не угашайте!» [Аксаков 2000а], к написанию которой Аксакова побудила статья известного общественного деятеля Л. А. Тихомирова «Духовенство и общество в современном религиозном движении» [Тихомиров]. Статья получила широкий резонанс в обществе, на нее откликнулись писатели, философы, священники и миряне. Тихомиров, по мнению Аксакова, в желании поддержать авторитет и значение церковной иерархии в противовес нарастающему в обществе влиянию «светских учителей» из богословов-мирян создал свой образ «церкви». Эта «церковь» представляет собой некое учреждение, фактически тождественное духовенству. Всякая самочинная работа духа в такой «церкви» отрицается, как отрицается пророчество и учительство мирян. Только духовенство в ней обладает исключительным и непогрешимым знанием о вере и истине [Аксаков 2000а], являясь хранителем церковного Предания. Аксаков подчеркивает, что подобный образ «церкви» Тихомиров пропо-

ведует вполне «самочинно», без ссылок на Священное писание и предание Церкви. Ученый усматривает в этой статье намерение создать новую секту, выдавая ее за истинную православную Церковь. Не соглашаясь с таким взглядом на Церковь, Аксаков в работе «Духа не угашайте!» ищет критерии выявления подлинного предания Церкви и с этой целью исследует Священное писание, учение святых отцов, богослужебную и каноническую традиции.

Одним из известных нам источников, позволяющим проследить, как происходило формирование взглядов Аксакова на Предание Церкви, являются письма свящ. Константина Аггеева, работавшего вместе с Аксаковым над составлением записок группы «32-х». Согласно этим письмам ученый вместе с членами группы начал «работы по составлению руководства вероучения по Свящ^{енному} Писанию и Преданию, выразившемуся в сознании свв. отцов и богослужении нашем» (письмо от 27 ноября 1903 г., Петербург [*Письма*, 239]). Подчеркивая живой характер богословской мысли Аксакова, о. Константин писал, что Николай Петрович «создает богословие — совершенно далекое от сухих, в некотором смысле атеистических, катехизисов и догматикимакариев» [*Письма*, 238].

Под катехизисом в данном случае имеется в виду «Катехизис» митр. Филарета (Дроздова). О Священном Предании как способе передачи Божественного Откровения идет речь во введении в «Катехизис»:

Сам Господь наш Иисус Христос Божественное учение свое и установление передал ученикам своим словом и примером, а не книгой. Тем же способом сначала и апостолы распространяли веру и утверждали Церковь Христову [*Катехизис*, 19].

Священное Предание является содержанием апостольской веры, которое апостолы вложили в Церковь, как в богатую сокровищницу, по слову сщмч. Иринея Лионского [*Катехизис*, 19]. Верным хранилищем Священного Предания согласно «Катехизису» является Церковь, которая

...есть от Бога установленное общество людей, соединенных православной верой, Законом Божиим, священноначалием и Таинствами [*Катехизис*, 19].

Вероятнее всего, такое понимание Священного Предания не противоречило взглядам Аксакова, но он не мог согласиться

с формальным способом изложения веры в «Катехизисе», напоминающем схоластические учебники. Так, свящ. Константин Аггеев писал, что, по мнению Аксакова, 2-я и 3-я части «Катехизиса» «нелепые по построению, искусственно стянутые — представляют буквальный перевод католического Катехизиса... и первоначально не предполагались самим Филаретом» (письмо от 5 ноября 1903 г., Петербург [*Письма*, 224]). В XX в. некоторые ученые, в частности, архиеп. Василий Кривошеин [*Василий (Кривошеин)*], также считали, что проблематично возводить авторство «Катехизиса» к свт. Филарету в силу обширной редакции его со стороны обер-прокурора графа Н. А. Протасова.

Употребленное же Аггеевым выражение «догматикимакариев» отсылает нас к «Догматическому богословию» митр. Макария (Булгакова). Согласно труду митр. Макария, Божественное Откровение состоит из двух частей — Священного Писания и Священного Предания. Причем Священное Писание является первым и главнейшим источником христианской религии, а Преданию в богословии митр. Макария придается формальное и второстепенное значение:

Приводить свидетельства из предания, для подтверждения или пояснения догматов, должно уже после того, как будут приведены свидетельства из Писания, источника христианской Религии первого и главнейшего [*Макарий (Булгаков)*, 29], —

и только в том случае, если «свидетельства Писания или не довольно ясны и полны, или подвергаются разным толкованиям и спорам» [*Макарий (Булгаков)*, 30]. Н. П. Аксаков не мог согласиться со взглядом на Предание как на второстепенный источник религии, поскольку для него оно являлось изначальным и живым источником христианской веры. В целом ученый считал, что по ключевым моментам догматическое богословие митр. Макария является переложением католической схоластики. Кроме этого Николай Петрович не мог согласиться с учением митр. Макария о Церкви как «сословии пастырей» [*Аксаков 1907б*, 134].

Еще одним церковно-историческим контекстом, который выявляет взгляды Аксакова на Предание Церкви, являлась его работа в Предсоборном присутствии, в частности, полемика с канонистами проф. И. С. Бердниковым, Н. С. Суворовым о каноническом предании Церкви. По мнению последних, каноны были сформулированы только в эпоху вселенских соборов и не имеют основа-

ний в предшествующем периоде церковной истории. Аксаков же настаивает на необходимости делать различие между всегда вечными и неизменными каноническими началами церковной жизни, имеющими своим источником апостольское предание Церкви, и во многом омертвевшими историческими формами их воплощения:

Каноны не нарождались и не возникали в истории, но существовали в зачатках ее (Церкви. — *М.Н.*), как присущие ей и руководившие ею [*Аксаков 1906ж, № 12, 361*].

По мнению Аксакова, весь церковный строй ранней Церкви опирался на заложенные апостолами канонические начала, которые раскрывались в жизнедеятельности Церкви и обуславливали ее соборный характер.

Анализ свойств Предания в трудах Аксакова затрудняется отсутствием устоявшейся терминологии. В его работах можно найти следующие определения Предания: Божественное, Священное, апостольское, церковное, догматическое, каноническое, но нигде не предлагается их строгая классификация и устойчивое написание терминов. Основным используемым в трудах Аксакова, термином является понятие «Предание Церкви». Преданием он называет

...Присущее Церкви и принятое Церковью... самосознание Церкви, но не Церкви местной, а Церкви повсюдной, вселенской, и не Церкви как представительницы времени, а обнимающей и объединяющей в сознании всю вереницу времен и приходящей, таким образом, к самому своему началу — к первоисточнику истины [*Аксаков 2000а, 102*].

Помимо определения Предания как самосознания (или сознания Церкви), в работах ученого можно найти понимание им Предания как духа, «ищущего проявления» Истины, как тайны веры, как совести, живущей в Церкви. Так, например, Аксаков писал о церковной совести, проявившейся в послании восточных патриархов, назвавших хранителем веры церковный народ:

Та же неумирающая и неугасимая церковная совесть продиктовала восточным патриархам и в 1848 г. те слова, которые так возрадовали Хомякова и славянофилов. Истина, сказывающаяся в этих словах, никогда в лоне Церкви православной не забывалась всецело... Из совести же церковной, из со-

знания всей Церкви вообще и церковного сознания каждого из принадлежащих к Церкви, никогда всецело она и не вычеркивалась [Аксаков 1897а, 7].

Аксаков напоминает, что хранителем содержания веры является церковный народ: «Хранит он веру, зиждущуюся на предании, а потому и есть он хранитель предания» [Аксаков 2000а, 75]. В случае же отказа церкви от своего Предания искажается жизнь всего церковного организма. В неприкосновенности же сохраняется «обреченный на неоявление, но ищущий проявления ее (Истины. — М. Н.) дух» [Аксаков 1897а, 7]. Тот самый дух, который как сознание или совесть Церкви проявился в окружном послании восточных патриархов.

Основным свойством Предания является его живой характер. Оно живое, поскольку проистекает из живого опыта познания Христа апостолами, который, по выражению сщмч. Ириния Лионского, вложен ими в Церковь как в «богатую сокровищницу». В силу того, что апостольское предание заключается в непрерывной передаче веры как опыта познания Христа, оно есть Предание истинной веры. Все члены церкви, начиная от самых малых до ее иерархов, возвещают не свое, а только то, что ими воспринято из обнародованного во всем мире апостольского предания, благодаря чему и сохраняется в Церкви тождественное и непрерывное Предание истинной веры. Священник Николай Антонов приводит слова Аксакова:

Вера не есть моя вера, но вера мне данная, во мне производимая; содержание веры не мною дается, не мною вырабатывается, не мною проверяется [Антонов, 24].

Проистекая из живого опыта познания Христа, Предание раскрывается в истории Церкви, прирастая и обогащаясь таким образом через опыт жизни всех ее членов:

Страницы церковной истории представляют живую книгу длящегося откровения, ибо Церковь не только содержит в себе истину, но и открывает ее, открывает ее не только словом, но и всей жизнью, всеми судьбами [Аксаков 1906д, 432].

Свидетельством живого характера Предания Церкви для Аксакова являлась вера и мысль святых отцов и учителей II–IV вв., которой живет и питается Церковь по сей день. «Мы живем в мире

предания, — писал Аксаков, — в обществе опочивших отцов и учителей Церкви, авторитет которых выше авторитета всего современного учительства и вечно живые голоса которых оспорят и переселят, если нужно, все недоумения, все недоразумения, ошибки и заблуждения современных учителей» [Аксаков 1907а, № 9, 288].

Таким свидетельством живого характера Предания, как уже отмечалось выше, для него являлось окружное послание восточных патриархов 1848 г., в котором хранителем благочестия называется весь церковный народ:

Ибо у нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести чего-либо нового, потому что хранитель благочестия у нас есть тело церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласно с верой отцов его [Окружное послание, 233].

Аксаков отмечает, что послание восточных патриархов прозвучало для Хомякова и славянофилов как настоящее чудо с «византийского гноища» [Аксаков 1897а, № 23, 7], поскольку в практике жизни византийской церкви вера в церковный народ как хранителя Предания была почти забыта.

Для того, чтобы приобщиться церковному Преданию, надо жить в Церкви. Из различных работ Аксакова можно извлечь, что означало для него «жить в Церкви». Это означало верить в Церковь «как живое тело»; пребывать в истинном общении с другими людьми и со всем человечеством; искать соединения верующих в «живой, организованный союз» [Аксаков 1905, 9]; это означало отдавать всего себя и все, что вложено Богом, на служение, «ничего не оставляя в бездействии и пренебрежении» [Антонов, 36]. Однако, самое главное, жить в Церкви означало для Аксакова жить в ее Предании, учиться у него, руководствоваться его живой нитью. По мысли Аксакова, именно через опыт жизни в Церкви христианин входит в тайну Церкви и причащается ее Преданию.

Вслед за Хомяковым ученый полагал, что многие в современном ему обществе числятся, но не живут в Церкви и потому не веруют:

Не подлежит спору, что часть нашего современного общества состоит из людей, хотя и числящихся в Церкви, но не живущих ее жизнью, не знающих ее и одержимых более или менее полным неверием [Аксаков 1897б, 5].

Числящиеся, но не живущие в Церкви члены общества, смотрят на Церковь как на объект, не веруя в нее. Но без веры Цер-

ковь становится логическим знанием и, даже если это знание будет самым чисто православным учением, отсутствовать будет главное, что лежит в основании Церкви — камень живой веры. А потому Церковь в глазах не причастных ее жизни лишь призрак, «такой же точно безжизненный и бездейственный призрак, как и придуманный и даже обдуманый Бог мертвенного рационализма» [Аксаков 1897б, 5].

Тайна Церкви открывается только живущим в ней через познание Истины, которая свидетельствует о том, что Церковь есть «живой, организованный союз, зиждущийся на вере, действующей любовью» [Аксаков 1905, 9]. Истина о сущности Церкви как живого союза живет в ее Предании, хранимом Церковью в полноте своего состава.

Предание Церкви, единое и целостное, как самосознание «повсюдной» Церкви. Изначально Церковь имела только единое Предание, устное по своему происхождению, потом из него оформилось Священное писание, которое является его «увековеченной» частью. Не вошедшая в Священное писание часть Предания постепенно

...воплощалась исподволь в церковный строй и церковные обычаи, проявлялась всей церковной жизнедеятельностью, излагалась мимоходом в писаниях мужей апостольских и непосредственно следующих за ними писателей церковных [Аксаков 2000а, 101].

В церковной жизни следует руководствоваться Священным писанием, но и держаться толкования церковного, которое содержится в Предании Церкви. Для Аксакова критерий истинности церковного учения или обычая — «Писание, пополняемое и поясняемое преданием» [Аксаков 2000а, 106]. Все возникающие в жизни церкви нововведения следует проверять указанным мериллом. Если в церковных традициях и обычаях могут появляться «разрывы», то Предание Церкви как ее самосознание, остается единым и целостным. «Тожественное в веках» — еще одно из определений Предания Церкви у Аксакова — является мериллом церковности. В этом выражается вера Церкви в то, что дух и смысл, которыми руководствуется она сегодня, соответствуют духу и смыслу апостольского предания. Предание истинной веры, тождественное в веках, в свое время восприняла от греков и Русская церковь:

Мы приняли христианство от греков; но мы приняли христианство — совокупность церковных начал, *божественное предание*, а не приняли предания человеческого [Аксаков 2000б, 62].

Хотя в другом месте Аксаков отмечает, что наряду с Божественным Преданием Русская церковь приняла и искажения, свойственные византийской церкви, от которых необходимо отмежеваться ради сохранения веры и церковности.

Полнота Предания дана во Христе и поэтому она «не может включать в себя *новые начала*, обогащаться новыми элементами» [Аксаков 2000б, 8]. Но опыт усвоения Предания бесконечен и принципиально открыт. Для Аксакова важно, что полнота Предания открывается в соединении всего имеющегося опыта жизни Церкви как прошлого, так и настоящего:

Мы связаны и должны чувствовать себя связанными со всем прошлым церковным, ибо только в полноте прожитых времен открывается и полнота предания, которую не открывает взгляд на одно только настоящее... [Аксаков 2000а, 46].

В будущем Предание открывается в надежде на то, что «золотой век» Церкви не позади, а впереди нас.

Богословские выводы Аксакова об апостольском предании как традиции истинной веры противоречили распространенному в его время пониманию апостольского предания как непрерывного преемства епископов. Подобным образом понимали его некоторые из предсоборных канонистов, ссылаясь на свидетельство св. Иринея и Тертуллиана о епископах как учителях и хранителях веры. По мнению Аксакова, в преемстве епископов св. Иринея и Тертуллиан видели объяснение древности апостольского предания, а не причину его сохранности через указанное преемство. Если бы предание апостолов, как передача опыта познания Истины всем верующим не было непрерывным, то не могло бы быть непрерывного преемства епископов. В этом случае «либо народы отпадали бы от допускаявших новшества архипастырей, либо пастыри отторгались бы от совращающегося в новшество народа» [Аксаков 1906д, № 14, 434]. Поскольку вся Церковь вместе со своим Главой является хранителем апостольского предания, то оно сохраняется до сего дня.

Развивая «догматическое положение» своего учителя А. С. Хомякова о народе как хранителе Предания, Аксаков приходит к вы-

воду, что Церковь тождественна понятию «народ Божий». Таинство крещения есть не что иное, как поставление в члены этого народа:

Крещение, купно с сопровождающим его рукоположением и миропомазанием, творит члена Церкви, лаика [Аксаков 2000б, 229].

Это самое главное таинство в жизни христианина, которое не нуждается в каком-либо дальнейшем восполнении. Рукоположенные в крещении члены Церкви составляют царственное священство, являясь клириками в широком смысле слова. Клирики же в узком смысле слова, какой бы степени они ни достигали, не выходят при этом из общего состава народа Божьего,

...ибо в этом звании дана им основная, высшая благодать, участниками коей продолжают они быть и в высшем церковном своем служении [Аксаков 2000б, 233].

Все носители личных харизм осуществляют свое служение потому, что к этому их уполномочила вся Церковь в акте поставления на специальное служение в ней. Всех вместе объединяет общее дело Божьего домостроительства и никто — ни клирик, ни лаик — не освобождены от него. Всей полнотой власти в Церкви обладает только она сама, совершая служение в разных сферах своей жизнедеятельности. В XX в. идею крещения как поставления на служение царственного священства лаика — члена народа Божьего — развивал в своих трудах известный эkkлeзиолог протопр. Николай Афанасьев.

Явным доказательством определяющей роли всего церковного народа в жизни Церкви для Аксакова является то, что решения соборов получают силу через особую процедуру, которую он вслед за историком Рудольфом Зомом называет церковной рецепцией:

Вселенские соборы признаются только потому, что Церковь, т. е. клир и народ вместе, признали их выразителями своего учения, своей внутренней жизни. А. С. Хомяков глубоко прав, указывая, что в обыкновенной формуле соборных объявлений «Изволися Духу Святому и нам» выражается не горделивое притязание, но смиренная надежда, которая впоследствии оправдывалась или отвергалась согласием или несогласием всего народа церковного, или Тела Христова, как выразились восточные патриархи [Аксаков 1907в, № 4, 111].

Предание Церкви свидетельствует о том, что основополагающим ее качеством является соборность, которая сопровождает все ее бытие, существование и жизнедеятельность. Не случайно Аксаков в своих трудах многократно ссылался на слова Амвросия Медиоланского, дополняя их своими комментариями:

«Церковь есть некоторая форма справедливости, соборное право всех (*Jus commune*); соборно она молится, соборно она трудится, соборно испытывается». К этому мы должны прибавить, что соборно она управляется, соборно совершает суд свой, о чем свидетельствуют непреложные, но пренебрегаемые ее каноны, и соборно же совершает она все исходящие от нее таинства [Аксаков 1906в, № 28, 777–778].

Соборное служение церковного народа было зафиксировано фактами церковной истории и содержанием древних церковных памятников.

Если же церковь отказывается от соборности как основополагающего качества своей жизни, она отступает от апостольского предания, что дает простор действию ложных обычаев и правил. Аксаков называл их человеческим преданием или преданием школы, преданием рутины, злоупотреблением, зловредным обычаем, «уклонением от достоюжного». Ложные традиции, являясь, по сути дела, неким антипреданием, стремятся подменить собою апостольское предание Церкви. Зачастую оно очень глубоко проникает в сознание некоторых членов церкви и прочно ими усваивается как подлинное:

Даже искренно почитающими себя говорящими от имени Церкви нередко говорят только от имени воспринятой ими школы и усвоенной ими рутины. Схоластика своего рода — не средневековая, но совершенно подобная ей, — подсказывает им их речи [Аксаков 1906д, № 12, 356].

По мнению Аксакова неважно, насколько древними являются обычай или традиция, которыми руководствуются люди в своих заблуждениях, — если они выросли не на почве апостольского предания, то остаются лишь длящимся злоупотреблением, а не составной частью Предания Церкви и «даже тысячелетняя давность не может освятить их нисколько» [Аксаков 1906е, 157]. Аксаков находил, что вкравшееся в практику византийской церкви ложное предание проникло и в Русскую церковь. Впоследствии и в самой Русской церкви возникло немало злоупотреблений, разрушавших

веру и церковность. Поэтому, считал он, настало время размежевания в области православия, «надо воздать каждому свое», отличив исконный обычай, составляющий часть апостольского предания, от вкравшегося заблуждения, которое подлежит уничтожению, даже если оно имеет тысячелетнюю историю: «Если мы отказываемся от переименования и переделок, учиненных в Русской Церкви Петром, — пишет Аксаков, — то вовсе не для того, чтобы благоговеть и с благоговением восстанавливать переделки и переименования Юстиниана и Алексея Комнина» [Аксаков 1906е, 157].

Таким «уклонением от достодолжного» ученый считает прежде всего вмешательство государства в дела церкви, отчуждение церковного народа от служения, выделение «сословия пастырей», проповедь церковного индивидуализма и «сепаратизма во спасение». Все это вместе свидетельствовало об отказе в практике жизни церкви от апостольского предания. Аксаков обращал внимание, что в речах членов Предсоборного присутствия практика апостольской Церкви по тем или иным причинам выносилась за скобки и акцент переносился на последующие эпохи жизни церкви. Так, член Предсоборного присутствия проф. Н. С. Суворов говорил о невозможности руководствоваться апостольским периодом как «временем чрезвычайного излияния даров Святого Духа на всех верующих» [Журналы и протоколы, 10], которых лишена настоящая эпоха. Профессор Н. Н. Глубоковский считал, что

...фактический строй церковный апостольского периода нельзя (подобно протестантам) воспроизводить отрешенно от применения, раскрытия и канонического истолкования в последующей истории Церкви [Журналы и протоколы, 18].

Каноническое предание Церкви в представлениях профессоров И. С. Бердникова и Н. С. Суворова имело своим началом эпоху вселенских соборов, когда появились первые зафиксированные соборными определениями каноны. Предполагалось, что Церковь в своей жизни должна руководствоваться не теми нормами, которые установлены апостолами, а канонами вселенских и поместных соборов. Таким образом, происходила подмена апостольского предания Церкви оторванным от него каноническим преданием, сформировавшимся в эпоху вселенских соборов. Н. П. Аксаков настаивает на том, что каноны, — как писанные, так и неписанные правила Церкви, — имеют своим началом вечно живое предание апостолов. Истинный их смысл и значение заключались в том, чтобы

регулировать соборную деятельность Церкви, ограничивая единоличную власть епископа и демократическое насилие большинства. С умалением соборной практики в Церкви подлинный смысл и значение канонов стали забываться. Они стали восприниматься как омертвевшие правила, представляющие по существу систему запретов и ограничений. Аксаков полагает, что необходимо восстановить преемственность канонов по отношению к апостольскому преданию, исследуя их в том контексте церковной истории, когда они соответствовали практике жизни соборной Церкви, т. е. были «живыми членами живой системы» [Аксаков 1906б, № 17, 513].

Н. П. Аксаков пытается решить проблему выявления апостольского предания Церкви. С этой целью он ищет критерии и способы его верификации, хотя сам свои разработки не называет ни критерием, ни методом, ни способом или подходом. Исследователь письменного наследия Аксакова свящ. Николай Антонов называл критерием тот принцип, из которого исходил Аксаков при выявлении апостольского предания, отталкиваясь от учения Викентия Леринского. Это критерий глубокой древности. Но не древность сама по себе имела значение для Аксакова, он понимал, что и злоупотребление может быть сколь угодно древним. Древний обычай тогда является преданием и имеет руководящее значение для Церкви, когда восходит к апостолам, воспринявшим его от Христа:

... (мы) должны возноситься на высоту апостольского понимания: со всякого иного уровня мы будем видеть не образ Церкви, а искаженное изображение ее, — ее карикатуру... Высота же апостольского понимания не скрыта для нас, хотя и оставляется в пренебрежении [Аксаков 1906з, 46].

Таким образом, критерием проверки предания является древность, соответствующая апостольскому преданию.

По мнению свящ. Николая Антонова, Аксаков также выработал некий метод выявления предания. Указанный метод заключается в анализе и сопоставлении содержания учения или правила, обычая, с содержанием древних памятников церковного предания. Среди всех указанных памятников основным мерилom церковности является Священное писание, как «древнейшая и основоположная хартия ее», составляющая «основную и большую часть всего предания Церкви» [Аксаков 2000б, 8]. Но Священное писание не может быть единственным мерилom, поскольку, по мнению ученого, часто ложно истолковывалось в истории церкви. Поэтому Аксаков выделил иные церковные памятники, которые

в совокупности со Священным писанием являются основаниями для верификации церковного предания: каноны, свидетельства отцов и учителей Церкви, богослужебные чины². В некоторых случаях, помимо названных памятников, Аксаков ссылался и на исторические свидетельства Церкви. Указанный метод он применял для решения основной, по его мнению, задачи богословской науки — восстановления апостольского предания Церкви.

Таким образом, обобщающей категорией в богословии Н. П. Аксакова является понятие «Предание Церкви», которое тождественно с понятиями «Священного», «Божественного» Предания. По существу, Предание есть живое, непрерывное, единое и неизменное сознание (совесть, дух) Церкви, с помощью которого Она опознает Истину. Живому Преданию Церкви противостоит разрушающее веру и церковность ложное предание. Задача богословия как науки — выявить истинное апостольское предание, отделив его от ложных традиций и обычаев.

Похожие представления о Предании как живой памяти или неизменном духе Церкви мы находим в богословии прот. Сергия Булгакова. Церковь, по мысли Булгакова, живет в едином потоке своего Предания во все времена, а каждый ее член

в своей жизни и сознании (будет ли то научное богословие или житейская мудрость) должен стремиться к церковному всеединству предания и, согласно с ним, проверять себя преданием, вообще быть самому носителем живого предания, звеном, которое соединено неразрывно со всей цепью истории [Булгаков, 48].

Соотнесение Предания с живым духом, сознанием или памятью у о. Сергия Булгакова побуждает думать о преемственности взглядов Аксакова и последующих богословов XX в. Эту преемственность отмечал исследователь наследия Н. П. Аксакова свящ. Николай Антонов, который называл богословие Аксакова переходной ступенью между славянофилами и новыми религиозными мыслителями — Бердяевым, Булгаковым и Мережковским [Антонов, 3].

2. «Церковь выражала строй убеждений своих и верований в каноническом своем творчестве, а потому на выраженные и воспринятые ею каноны мы должны смотреть как на весьма существенный памятник записанного ею же самою Предания. Но Церковь исповедовала веру свою и убеждения, точнее исповедовала самое себя, не только в создании, поддержании и восстановлении внешних форм общественного своего устройства (канона),

не только учительством и полемикой с возникавшими лжеучениями (св. отцы, соборы), но и прежде всего и более всего — в самом своем служении Богу, в самом своем богослужении. Отсюда-то богослужение, как живое и жизненное исповедание Церкви, и представляет наряду с новозаветным писанием едва ли не существенную и основную часть Предания Церкви» [Аксаков 2000б, 8].

Источники

1. *Аксаков 1897а* = Аксаков Н. П. Клир и народ // Русский труд. 1897. № 23–24. С. 6–8; № 26. С. 8–11; № 27. С. 7–9; № 28. С. 6–8; № 30. С. 9–12; № 32. С. 5–8.
2. *Аксаков 1897б* = Аксаков Н. П. О Церкви, или в Церкви : Письмо к редактору «Русского труда» // Русский труд. 1897. № 1. С. 5.
3. *Аксаков 1905* = Аксаков Н. П. Канон и свобода. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1905. 14 с.
4. *Аксаков 1906а* = Аксаков Н. П. Всецерковный собор и выборное начало Церкви // К церковному собору : Сборник. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1906. С. 62–148.
5. *Аксаков 1906б* = Аксаков Н. П. Несколько примечаний к канонам // Церковный голос. 1906. № 17. С. 513–517; № 18. С. 544–546; № 19. С. 560–562.
6. *Аксаков 1906в* = Аксаков Н. П. Опыт соборного катехизиса // Церковный голос. 1906. № 28. С. 774–779.
7. *Аксаков 1906г* = Аксаков Н. П. Патриаршество и каноны : Возражения на статью проф. Заозерского «Основные начала учреждения патриаршества». СПб. : Тип. М. Меркушева, 1906. 23 с.
8. *Аксаков 1906д* = Аксаков Н. П. Предсоборные диссонансы // Церковный вестник. 1906. № 12. С. 356–358; № 13. С. 396–398; № 14. С. 432–434; № 15. С. 464–467.
9. *Аксаков 1906е* = Аксаков Н. П. Соборы и патриархи // К церковному собору : Сборник. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1906. С. 11–219.
10. *Аксаков 1906ж* = Аксаков Н. П. Что говорят каноны о составе соборов // Церковный вестник. 1906. № 12. С. 361–365; № 13–14. С. 408–414; № 15. С. 443–447.
11. *Аксаков 1906з* = Аксаков Н. П. Что говорят каноны о составе соборов // Отдельные оттиски из журнала «Церковный голос». СПб. : Синод. тип., 1906. 59 с.
12. *Аксаков 1907а* = Аксаков Н. П. «Духовенство» и «миряне» — причт и прихожане // Церковный вестник. 1907. № 9. С. 286–290; № 10. С. 318–323; № 11. С. 350–351.
13. *Аксаков 1907б* = Аксаков Н. П. Основы церковного суда // Церковный голос. 1907. № 3. С. 70–73; № 4. С. 99–102; № 5. С. 134–139; № 6. С. 167–173.
14. *Аксаков 1907в* = Аксаков Н. П. Формулы церковного судоустройства // Церковный вестник. 1907. № 3. С. 70–73; № 4. С. 110–113; № 5. С. 150–154.

15. *Аксаков 2000a* = Аксаков Н. П. Духа не угашайте! М. : МВПХШ, 2000. 168 с.
16. *Аксаков 2000б* = Аксаков Н. П. Предание Церкви и предание школы. М. : МВПХШ, 2000. 296 с.
17. *В. К.* = В. К. Николай Петрович Аксаков: Некролог // Церковный вестник. 1909. № 16. С. 493–494.
18. *Журналы и протоколы* = Журналы и протоколы заседаний I отдела высочайше учрежденного Присутствия при Святейшем Синоде для разработки подлежащих рассмотрению на поместном церковном соборе вопросов. СПб. : Синодальная тип., 1906. Т. 1. 694 с.
19. *Окружное послание* = Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.) // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере : [Сборник]. [Сергиев Посад] : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 198–244.

Литература

1. *Антонов* = Антонов Николай, свящ. Николай Петрович Аксаков и его религиозно-общественное миросозерцание. СПб. : Тип. М. А. Александра, 1912. 110 с.
2. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа 32-х петербургских священников), 1903–1907. М. : СФИ, 2014. 421 с.
3. *Белякова* = Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. 664 с.
4. *Булгаков* = Булгаков Сергей, прот. Православие : Очерки учения православной Церкви. 3-е изд. Париж : YMCA-Press, 1989. 403 с.
5. *Василий (Кривошеин)* = Василий (Кривошеин), архиеп. Обзор существующих символических документов и вопрос составления нового. Гл. V: Оценка «исповеданий веры». Катехизис Митрополита Филарета (Дроздова). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Krivoshein/obzor-sushestvuyushih-simvolicheskikh-dokumentov-i-vopros-sostavlenija-novogo/#0_7 (дата обращения: 10.05.2018).
6. *Зом* = Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 312 с.
7. *Карташев* = Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви : В 2 т. Т. 2. Репр. воспр. изд. 1959. М. : Наука, 1991. 576 с.
8. *Катехизис* = Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. Филарет (Дроздов) ; Предисл.,

- подг. текста, примеч. и указ. канд. ист. наук А. Г. Дунаева. М. : Издат. совет РПЦ, 2006. 168 с.
9. *Макарий (Булгаков)* = Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие : В 2 т. Киев : Изд-во имени свт. Льва, папы Римского, 2007. Т. 1. 598 с.
 10. *Письма* = Письма свящ. Константина Аггеева П. П. Кудрявцеву : [Приложение] // Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 : Документальная история и культурный контекст. М. : СФИ, 2014. С. 217–412.
 11. *Скрипицын* = Скрипицын В. А. Один из редких в наше время : (Посвящается памяти Н. П. Аксакова). СПб. : Гор. тип., 1909. [2], IV, 55 с.
 12. *Тихомиров* = Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М. : Рус. обозрение, 1892. 19 с.
 13. *Хомяков* = Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : В 8 т. М. : Университет. тип., 1900. Т. 8 : Письма. 480 с.
 14. *Цимбаев* = Цимбаев Н. И. Славянофильство : Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М. : Изд-во МГУ, 1986. 269, [2] с.

M. A. Naumova

The Living Tradition of the Church in the Theological Legacy of Nikolay Aksakov

This article is an attempt to systematise the views of the prominent Russian ecclesiologist and canonist Nikolay Aksakov on the Tradition of the Church. Aksakov speaks of Tradition as the living and continuous self-consciousness of the Church — one and integral, identical throughout the ages. In his opinion, the task of theology is to identify the apostolic tradition of the Church among numerous ecclesiastical and human traditions. Aksakov's scholarly work had the practical objective of achieving recognition that the life of the Church must be restored on the everlasting and unchanging canonical principles stemming from the apostolic tradition and bearing witness to the sobornal organization of the Church. Such restoration, according to Aksakov, could have taken place only by convening a Local Council, where the plenitude of the Orthodox Russian Church would have been reflected through the developed system of church representation.

KEYWORDS: Tradition of the Church, canon law, ecclesiology.